

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕДЕРМАНЪ-ГЕ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Капрера. А. Толивъровой. —
 II. Царевна-лягушка. (Народная сказка). А. Лукья-
 новскаго. — III. Старая ветла. Вас. Огаркова. —
 IV. Каштанъ ста лошадей. О. Р.

КАПРЕРА.

(Изъ записной книжки).

ПОСЛѢ обѣда, въ сопровожденіи Барберини и двухъ моихъ спутниковъ, я направилась къ пристани. У пристани насъ ожидала небольшая лодка и старый матросъ Никола, состоящій на службѣ у Гарибальди. Едва мы успѣли размѣститься, какъ Барберини и Никола взмахнули веслами, съ нихъ сплеснулась вода, и лодка, какъ птица,

плавно понеслась по направленію къ Маддаленѣ. Когда мы вышли на берегъ, Никола предложилъ намъ посѣтить его домъ и по случаю праздника выпить хорошаго свѣжаго вина.

На берегу, недалеко отъ пристани, я замѣтила небольшую, составленную изъ кусковъ гранита пирамиду, на которой помѣщалась бомба.

— Что это за бомба? спросила я съ любопытствомъ у Николы.

— Это Наполеоновская, отвѣтилъ онъ съ знаніемъ дѣла; онъ въ 1793 бомбардировалъ нашу Маддалену.

— Какъ же это было?

— А вотъ какъ. Въ 1792 году, какъ рассказывалъ мнѣ мой дѣдъ, мы вели войну съ французами. 1-го января 1793 года, на нашемъ морѣ появился небольшой флотъ изъ 17 кораблей; онъ цѣлую недѣлю шнырялъ у нашихъ береговъ, и наконецъ, бросилъ якорь у С. Стефано, вотъ на томъ островѣ, — и онъ указалъ на него рукой. Съ этого самаго берега капитанъ Бонапартъ бросилъ на Маддалену свою первую бомбу. Бомбардировка продолжалась 30 часовъ, и въ нашъ бѣдный городъ попало ни больше, ни меньше, какъ 17 бомбъ. Но взять города ему все таки не удалось. Кто могъ подумать, что бывшему въ 1793 году капитану артиллеріи, который забавлялъ себя киданіемъ бомбъ въ церковь Маддалены, будетъ принадлежать корона Франціи!?

Поглядѣвши на бомбу, мы пошли къ дому Николы.

Городъ имѣлъ праздничный видъ. Всюду развѣвались знамена. Народъ ходилъ массами. Въ пестрой толпѣ рѣзко выделялись костюмы мужчинъ изъ черныхъ бархатныхъ куртокъ, такихъ же жилетовъ и панталонъ. На головѣ у нихъ были вязанные изъ чернаго толстаго шелка колпаки, спускающіеся съ одной стороны до самаго плеча. Правильныя линіи ихъ смуглыхъ лицъ напоминали древній итальянско-греческій типъ, черные волнистые волосы падали на бѣлый отложной воротникъ рубашки. Костюмъ женщинъ былъ также оригинальный. На головы у нихъ были накинута яркія,

изъ шелковой матеріи юбки, въ родѣ того какъ это дѣлаютъ наши крестьянки, когда ихъ застанетъ проливной дождь. Подъ этой юбкой надѣта другая, менѣе цѣнная; сверхъ черныхъ туго заплетенныхъ косъ накинута, въ видѣ тюрбана, шелковый платокъ, ярко-оранжевый или красный. Сверхъ чернаго бархатнаго корсажа надѣта маленькая кофточка, открытая спереди, съ греческими рукавами, зеленая или красная.

— Что это за люди? спросила я у Барберини.

— Это сардинскіе пастухи съ семьями. Они приходятъ сюда каждый годъ на этотъ праздникъ, чтобы высматривать себѣ невѣстъ.

Этотъ обычай носить совершенно библейскій характеръ. На Маддаленѣ чрезъ всю жизнь жителей проходитъ что то древнее, восточное: здѣсь я встрѣтила одну молодую дѣвушку, идущую за водой съ большимъ глинянымъ кувшиномъ на головѣ, которая не только по красотѣ, но и по костюму напомнила мнѣ Ревекку, какъ ее изображаютъ художники, идущую къ колодцу.

Мы вошли въ церковь: она была полна народа. По срединѣ, на возвышеніи, покрытомъ краснымъ сукномъ, стояли носилки, на которыхъ украшенное цвѣтами, браслетами, въ серьгахъ и лентахъ стояло въ настоящую величину изваяніе св. Магдалины. Вокругъ носилокъ, покрытыя бѣлыми кисейными вуалями, спускающимися до самыхъ ногъ, стояли молодыя и старыя дѣвушки. У каждой изъ нихъ въ рукахъ горѣла восковая свѣча. Суeta въ церкви была необычайная. Два неаполитанца въ особенности волновались и сильно жестикулировали.

— Что значить это волненіе? спросила я Барберини.

— Въ церкви устраивается аукціонъ, и кто дастъ больше, тому достанется нести Магдалину, отвѣтилъ онъ.

— И это дѣлается каждый годъ, добавилъ Никола, на время процессіи. На этотъ праздникъ пріѣзжаютъ изъ Корсики, Сардиніи и Неаполя. Вотъ сегодня Магдалина доста-

лась неаполитанцамъ. Видѣли, какъ они суетились и кричали: слава Богу, что все кончилось благополучно, а въ прежніи года не разъ случались и убійства. Всѣ думаютъ, что св. Магдалина помогаетъ тому въ особенности, кто ее несетъ.

Когда процесія двинулась, началась стрѣльба. Мы не пошли за толпой, а направились въ домъ Никола. Въ очень опрятной комнатѣ былъ накрытъ столъ, вокругъ котораго хлопотали жена и дочь хозяина.

На столѣ, накрытомъ чистой скатертью, стояли самыя разнообразныя блюда: супъ изъ разныхъ морскихъ рыбъ, такъ называемый *Zuppa alla marinara*, жаренныя куры и козленокъ, сыръ трехъ сортовъ и ветчина съ свѣжими винными ягодами, любимое кушанье итальянцевъ, сотовый медъ и нѣсколько *foglieta* съ виномъ. *Foglieta*—бутылъ изъ тонкаго стекла, шарообразной формы, съ очень тоненькимъ длиннымъ горлышкомъ, оплетенная камышомъ. За столомъ на первомъ мѣстѣ расположился Никола, одѣтый въ бѣлую рубашку, и, засучивъ рукава, принялся разливать супъ. Въ окна врывалась пушечная пальба.

— Стрѣляйте, сколько хотите, воскликнулъ смѣясь Никола, мы не мѣшаемъ вамъ, а вы не мѣшайте намъ.

Послѣ вкуснаго обѣда, мы пошли бродить по улицамъ; лавки были отперты; на площади стояли группами сардинскіе пастухи, многіе взявшись за руки плясали и пѣли пѣсни. Напѣвъ этихъ пѣсень грустенъ и однообразенъ, пляска похожа на нашу русскую. Когда мы проходили мимо лавокъ, насъ останавливали, зазывали и угощали всевозможными винами, лимонадомъ и разнаго рода напитками. Предлагаемая нами плата не принималась. Всѣ съ большимъ участіемъ спрашивали у Барберини о Гарибальди, жалѣли, что его нѣтъ на праздникъ, и посылали ему поклоны.

Незамѣтно подкравшійся вечеръ не далъ намъ возможности осматривать окрестности Маддалены. Около десяти часовъ вечера мы сѣли въ лодку и съ тѣмъ же самымъ Николо вернулись на Капреру. Съ моря Маддалена казалась

ВНУТРЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКАГО ДВОРА НА ОСТРОВЪ МАДДАЛЕНА.

очень привлекательной. Она горѣла милліонами огней, на осѣднихъ горахъ то тамъ, то сямъ пускали фейерверки. Вечеръ былъ тихій. Издали въ домикъ Гарибальди виднѣлся огонекъ. Вечеромъ Капрера казалась еще какъ-то величественнѣе. Множество птицъ сидѣли на выдающихся изъ моря гранитныхъ камняхъ и, опустивши головы, дремали. Ночью было еще труднѣе подниматься, на Капреру, ноги то и дѣло проваливались между камней. Когда мы пришли домой, то нашли всѣхъ спящими. Въ кухнѣ горѣла лампочка. Я хотѣла было идти прямо на свою половину, но Барберини предложилъ намъ пойти въ столовую, что мы и сдѣлали. Взявъ изъ кухни лампочку, онъ пошелъ съ нею впередъ. Въ столовой мы нашли приготовленный ужинъ. Вокругъ стоявшей на столѣ лампы летало нѣсколько летучихъ мышей. Онѣ влетали и вылетали черезъ растворенныя окна. Въ углахъ, прижавшись близко другъ къ другу, спали цыплята. Хотите что нибудь скушать? спросилъ меня Барберини.

— Нѣтъ, это не возможно: мы сегодня ѣли почти цѣлый день.

Моему примѣру не послѣдовали другіе. Они съ удовольствіемъ принялись уплетать огромный кусокъ сыру, запивая его превосходнымъ капрерскимъ виномъ.

— Какъ вы думаете провести завтрашній день, спросилъ меня Кокапельлеръ.

— Мнѣ бы хотѣлось пораньше встать, выкупаться и затѣмъ поѣхать осматривать Капреру.

— Это весьма возможно. Мы вамъ осѣдлаемъ старушку Марсаллу, и вы смѣло поѣдете на ней. Только одно непременное условіе—выѣхать какъ можно ранше.

— А въ которомъ часу приблизительно? спросила я.

— Часа въ четыре.

— Чтожъ, я согласна.

Мы разошлись около часа. Комната моя была приготовлена съ особенной заботливостью. Ставни крѣпко заперты. На стулѣ подлѣ постели, покрытой хотя толстыми, но очень

чистыми простынями, стоялъ изъ богемскаго хрусталя графинъ съ водою, и такой же стаканъ, спички и свѣчка. На маленькомъ столикѣ у изголовья стоялъ прекрасный букетъ цвѣтовъ, а подлѣ лежало нѣсколько нумеровъ новыхъ газетъ, на которыхъ всѣ интересныя мѣста были отмѣчены краснымъ карандашемъ. Я не помню, какъ я раздѣлась, какъ легла, до того была утомлена нравственно и физически.

Не знаю, до котораго бы часа я проспала, еслибъ меня не разбудилъ условленный стукъ въ дверь. Кто тамъ? спросила я сквозь сонъ.

— Вы живы? спросилъ меня Барберини.

— А что?

— Ничего, одиннадцать часовъ.

Эта цифра подѣйствовала на меня какъ электрическій токъ.

— Одиннадцать! вскричала я. Что вы со мной сдѣлали? Я невольно измѣнила порядокъ жизни генерала, вѣдь онъ привыкъ обѣдать въ половинѣ десятаго.

— Не огорчайтесь, продолжалъ за дверью Барберини: онъ самъ не позволилъ намъ будить васъ. Кокашьеллеръ вычистилъ и осѣдлалъ было для васъ лошадь. Бѣдная Марсалла удивилась, когда на нее надѣли сѣдло. Но генераль положительно запретилъ не только будить васъ, но даже ходить по ту сторону дома, гдѣ выходить ваша комната.

— Подите поскорѣй къ генералу и попросите его садиться за столъ, я сейчасъ приду.

Отворивши ставни и окна моей комнаты, я тотчасъ освѣжилась пахнувшимъ на меня воздухомъ, наскоро умылась, одѣлась и черезъ четверть часа уже была въ комнатѣ Гарибальди; онъ сидѣлъ на простомъ стулѣ у небольшого столика и писалъ. Его комната въ одно окно, выходящее въ садъ, самая маленькая въ цѣломъ домѣ. Изъ мебели въ ней находится простая желѣзная кровать, покрытая вмѣсто одѣяла походнымъ темно-сѣрымъ съ черными и бѣлыми полосами пончо, и нѣсколько простыхъ стульевъ. Надъ изголовьемъ

висить портретъ Аниты (первой жены Гарибальди, раздѣлявшей съ нимъ всѣ походы), украшенный цвѣтами, медальонъ съ ея волосами, портреты его матери, дѣтей и другія фотографическія карточки, большею частью съ умершихъ. Между живыми знакомыми мнѣ личностями я узнала Ричіотти, Менотти, Терезиту, мужа ея Канціо и ихъ дѣтей. У окна справа, надъ швейной машиной, которая вѣроятно принадлежала Терезитѣ, висѣлъ большой портретъ Беневетто Кайроли (настоящаго итальянскаго министра президента).

— Извините меня,—сказала я Гарибальди, протягивая руку, что невольно заставила васъ измѣнить заведенный порядокъ.

— Я очень радъ, что вы хорошо выспались, вамъ былъ надобенъ отдыхъ. Теперь мы можемъ обѣдать, сказалъ онъ, вставая. Барберини наловилъ намъ рыбы, и сегодняшій обѣдъ пополнится лишнимъ блюдомъ.

Когда мы проходили изъ спальни въ столовую, намъ попался Антоніо; онъ несъ въ маленькой корзиночкѣ нѣсколько яицъ.

— Это отъ какой курицы? спросилъ Гарибальди.

— Отъ Ninett'ы, такъ звали курицу.

— Хорошо, положите ихъ ко мнѣ на столъ.

— Вы не видѣли еще, сказалъ онъ мнѣ, нашего хозяйства. У меня очень много куръ и индѣекъ; онѣ, какъ только просыпаются, тотчасъ летятъ на мое окно и стучатся въ него клювами. Что дѣлать,—въ одиночествѣ и это служить развлеченіемъ.

Въ столовой вся наша компанія была на лицо. Бассо съ усердіемъ рѣзалъ хлѣбъ, разливалъ по стаканамъ вино и ходилъ время отъ времени въ кухню за чистыми тарелками.

Въ этотъ день Гарибальди съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ наши рассказы о Римѣ, сдѣлавшимся только въ 1870 году снова столицей Италія. Его очень озабочивало положеніе рабочаго класса, которому онъ, несмотря на полное желаніе, не могъ помочь.

Говоря о Кайроли, единственномъ изъ этой семьи, онъ сказалъ: я уважаю его и горько оплакиваю смерть его, братьевъ и матери. Эта необыкновенная женщина отдала все своей родинѣ: дѣтей, средства и самое себя.

И дѣйствительно, эта женщина потеряла четырехъ сыновей, которые постоянно сопутствовали Гарибальди въ его экспедиціяхъ за единство Италіи. Послѣдній изъ нихъ, Энрико, страдавшій отъ раны, полученной въ 1866 году, какъ только узналъ въ 1867 году, что Гарибальди бѣжалъ съ Капреры, несмотря на просьбы матери, ни за что не хотѣлъ остаться дома. У него была въ послѣднемъ градусѣ чахотка.

Подъ Ментано онъ былъ снова раненъ и вмѣстѣ съ плѣнными перевезенъ въ Римъ, гдѣ послѣ ампутаціи руки и ноги умеръ въ госпиталѣ св. Ангела. Мать, шестидесятилѣтняя старуха, послѣ его смерти сдѣлалась сестрой милосердія у гарибальдійцевъ и, заразившись въ госпиталѣ черной оспой, умерла.

Эта единственная итальянская женщина, которой граждане по подпискѣ поставили на площади ея родного города Павіи (недалеко отъ Флоренціи) статую. Статуя исполнена очень талантливымъ итальянскимъ скульпторомъ Массини. Она представлена на ней одѣтою въ простое платье и задрапированною въ шаль.

Когда Гарибальди говорилъ объ Италіи, лицо его молодѣло. Въ его словахъ не было ни одного упрека прошлому; несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ каждую минуту готовъ на новую борьбу, на лишенія, лишь только бы родина его была счастлива. Въ его разговорахъ о прошломъ было совершенное отсутствіе личнаго я. Когда мы съ нимъ ходили по дому и онъ показывалъ мнѣ свое хозяйство, онъ постоянно избѣгалъ комнаты, гдѣ хранятся знамена, оружіе, проекты памятниковъ и картины, изображающія великіе этюды изъ его жизни. Одна изъ этихъ картинъ особенно запечатлѣлась въ моей памяти. На картинѣ изображено от-

крытое поле; по всѣмъ направленіямъ лежать груды умершихъ и умирающихъ. Утро только что занялось, надъ курстарникомъ стелется туманъ; тамъ и сямъ стоятъ телѣги, пріѣхавшія подбирать раненыхъ и мертвыхъ; лошади дремлютъ, гривы ихъ освѣщены лучами восходящаго солнца. И по этому то полю, на своей караковой лошади „Марсаллѣ“, какъ вихрь несется Гарибальди, указывая рукой на груды павшихъ. Подъ этой прекрасной картиной находится слѣдующая простая надпись: *Bispetate gli morti* (уважай же мертвыхъ). Группа умирающихъ производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ угасающихъ взорахъ раненыхъ, обращенныхъ къ Гарибальди, видно томленіе предсмертной муки, и ни тѣни упрека. Кто изъ павшихъ на этихъ поляхъ сраженія не испытывалъ нравственнаго вліянія Гарибальди! Мнѣ говорили очевидцы, что тѣ деревни, по которымъ проходилъ Гарибальди, призывая людей, могущихъ носить оружіе, на борьбу, совершенно пустѣли: въ нихъ оставались только дряхлые старики, женщины и дѣти. Это время было временемъ своего рода крестоваго похода во имя свободы.

На дѣло объединенія Италіи народъ отдавалъ всѣ средства, бросалъ семьи, дома и поля. И по настоящее время, онъ свято хранитъ воспоминаніе объ этой борьбѣ. Я часто встрѣчала портретъ Гарибальди рядомъ съ образами, украшенный свѣжими цвѣтами. Такъ высоко чтить народъ того, кто говорилъ ему: „я приношу вамъ гибель, усталость и смерть, но этого требуетъ ваша родина: идите за мной.“

На третій день по пріѣздѣ на Капреру я отправилась осматривать островъ.

— Покажите все, что мы имѣемъ, сказалъ Гарибальди Барберини, провожая насъ черезъ садикъ.

— Мнѣ бы хотѣлось посмотреть домикъ Ричіотти, сказала я.

При словѣ „домикъ Ричіотти“, Гарибальди засмѣялся и сказалъ:

— Развѣ это домъ,—это просто пустой баракъ, въ кото-

ромъ была когда то якобы лабораторія. Самое большее, что вы тамъ найдете, это какую нибудь одинокую склянку, разбитую воронку да соловьиныя гнѣзда. Онъ давно все бросилъ. Вы знаете Ричіотти. Ну скажите мнѣ пожалуста, развѣ онъ годенъ для Капреры. Ему нужна кипучая жизнь, полная разнообразія, приключеній и опасностей. Онъ скучаетъ, когда кругомъ тихо—мало того онъ впадаетъ въ апатію. Ричіотти человѣкъ военный; на войнѣ онъ дѣйствительно неутомимъ. Онъ способенъ провести нѣсколько ночей безъ сна въ постоянной работѣ. Я помню его въ франко-прусскую войну 1870 года: когда онъ подъ Дижономъ подаль мнѣ прусское знамя, на немъ не было лица отъ усталости; онъ тогда просилъ меня, впервые послѣ трехдневной битвы, чтобы я позволилъ ему отдохнуть, а также и его отряду, который порядкомъ пострадалъ. Послѣднимъ я велѣлъ ему заняться тотчасъ же, что же касается собственнаго его отдыха, я не могъ ему разрѣшить его. Пруссаки не отдыхали. Тѣмъ болѣе во Франціи мы были съ самымъ незначительнымъ войскомъ и потому для нападенія выбирали постоянно ночи. Темнота, сказалъ онъ добродушно, скрываетъ также недостатки и войска. Мои отряды я выстраивалъ совсѣмъ особеннымъ образомъ, такъ что непріятелю они казались довольно многочисленными. Но если бы онъ вздумалъ обойти эту передовую декорацію и заглянулъ бы что находится позади!—При этомъ Гарибальди отъ души разсмѣялся. Надобно вамъ впрочемъ объяснить, что такое мои волонтеры. Это люди замѣчательной храбрости. Нашъ способъ вести войну совершенно особенный; у насъ нѣтъ и никогда не было регулярнаго войска, мы всегда въ разбродѣ, слѣдовательно для насъ надобны и возможны только храбрые и такіе, которымъ нечего терять.

Разставшись съ Гарибальди, мы пошли съ Барберини въ его комнату, которая находится подъ мельницей; на двухъ большихъ деревянныхъ ящикахъ, стоящихъ въ углу, положены три доски, служація ему кроватью. Вмѣсто тюфяка

мѣшокъ соломы, покрытый одѣяломъ изъ сѣраго, простаго сукна. Передъ постелью, сдѣланной имъ же самимъ, такъ какъ и остальная мебель, если только три станка, два табурета, полки для книгъ и ящики для пчелъ можно назвать мебелью,—стоялъ столъ, на которомъ лежало много книгъ и журналовъ, большею частью по физикѣ и механикѣ. На стѣнахъ висѣли сѣти для ловли рыбъ, два ружья, сабля, веревки, крючья, солдатскій ранецъ и двѣ подозрныя трубки.

— Вотъ вамъ и мое жилище, сказалъ Барберини; мы отлично въ немъ живемъ съ моимъ другомъ Эдуардо.

— Кто это Эдуардо! спросила я; нельзя ли меня съ нимъ познакомить?

— Это я самъ и есть—и Эдуардо и Барберини.

— Скажите, вы давно на Капрерѣ?

— Да, пятнадцать уже лѣтъ. Прежде мы занимались постройками, а теперь я посвятилъ себя исключительно хозяйству; хотите посмотрѣть нашу мельницу,—она теперь въ полномъ ходу? Когда я вижу ее исполняющею свою обязанность, это льститъ моему авторскому самолюбію. Осмотрѣвъ мельницу, мы спустились внизъ, и я увидѣла прямо противъ насъ небольшой баракъ—что это такое? спросила я его.

— Тутъ у насъ складываются земледѣльческія орудія, а вонъ тотъ, который подальше и побольше, служить для склада зерна, соломы и сѣна,

— А этотъ красный домикъ въ родѣ бесѣдки.

— Это желѣзный домикъ, присланный генералу англичанами. Онъ жилъ въ немъ цѣлый годъ; потомъ, когда мы соорудили общими силами большой, его занялъ Бассо.

— Тамъ, должно быть, очень жарко лѣтомъ?

— Да порядочно, отвѣтилъ Барберини; но Бассо такой человѣкъ, что ему въ сущности все равно. Несмотря на свои микроскопическіе размѣры, домикъ этотъ очень удобенъ. Наружный видъ домика чрезвычайно красивъ. Въ немъ четыре окна съ ставнями, которыя можно поднимать и опускать, смотря по надобности, небольшое крылечко изъ трехъ ступеней

и довольно красивая рѣшетчатая дверь; выкрашенъ онъ сѣрой краской.

— Сколько въ немъ комнатъ? спросила я.

— Двѣ. Въ одной устроенъ у Бассо кабинетъ, другая служить ему спальней!

— Скажите, Барберини, чѣмъ занимается Бассо?

— У него на рукахъ вся корреспонденція, а она у генерала довольно велика; онъ же и нашъ кассиръ, хотя о деньгахъ нельзя сказать того, что я сказалъ о корреспонденціи. Островъ даетъ очень мало. Это особенно чувствуется, когда приходится платить правительству 1000 франковъ налогу.

— Что же вы тогда дѣлаете?

— Вопервыхъ, мы платимъ по частямъ, и потомъ, когда такой срокъ приближается, мы отправляемся ловить дикихъ быковъ, козъ, кабановъ, овецъ и продаемъ ихъ. Это и скудные продукты Капреры составляютъ единственный доходъ генерала.

— Но у него, вѣроятно, есть и другіе расходы, кромѣ платежа налоговъ? замѣтила я.

— Генераль—самый умѣренный смертный, какого я когда либо встрѣчалъ. Вся его жизнь была и есть рядъ лишеній. Впрочемъ, у него есть еще одно средство къ жизни—его литературные труды. Осмотрѣвъ мельницу, механизмъ которой, несмотря на всю его простоту, я не берусь описывать, мы вошли въ огородъ; на грядахъ росла всякая зелень, цвѣтная капуста, салатъ, картофель и бобы. Вокругъ стѣнъ, въ довольно большомъ количествѣ, росли лимонныя и фиговые деревья. Огородъ этотъ шель около дома Гарибальди. Подъ окнами его спальни, обнесенные особымъ заборчикомъ, росли нѣсколько кустовъ розъ, привезенныхъ изъ Ниццы. Кромѣ розъ тутъ же росли кактусы, алоэ, кипарисы и акаціи. Разъ, проходя подлѣ этого садика, Гарибальди сказалъ мнѣ: вотъ этотъ кипарисъ посадилъ мой Ричіотти, когда ему было пять лѣтъ, этотъ кактусъ Терезита, а вотъ эти розы—я и Ме-

нотти. Земля, на которой все это растетъ, привезена мной изъ Ниццы.

Гарибальди особенно любилъ этотъ маленькій клочекъ земли, имѣющій восемь метровъ въ окружности. По выходѣ изъ огорода, мы стали спускаться внизъ. На довольно большомъ пространствѣ, содержащемся въ отличномъ порядкѣ, растутъ всевозможныя деревья: яблоки, груши, вишни, виноградникъ, кипарисы и плакучія ивы. Между деревьями, за красивой желѣзной рѣшеткой, стоитъ небольшой памятникъ изъ бѣлаго мрамора, изображающій четырехъугольную тумбу, на которой изъ такого же мрамора, урна съ пламенемъ. На тумбѣ надпись „Rosa Garibaldi.“ Вокругъ этого скромнаго памятника растутъ мирты, иммортели и разные пахучіе цвѣты. Позади его, прислоненный къ рѣшеткѣ, стоитъ большой мраморный полумѣсяцъ. Гарибальди каждый день начинаетъ свою прогулку посѣщеніемъ этой дорогой могилки его дочери. Шагахъ въ пятидесяти ниже находится небольшой навѣсъ; подъ нимъ въ нѣсколько этажей стоятъ ящики съ пчелами. Эти ящики тоже изобрѣтеніе Барберини: изъ нихъ выдвигаются отдѣленія, и соты получаютъ цѣльными, не причиняя никакого вреда пчеламъ. Я сначала не хотѣла подходить близко, но Барберини увѣрилъ меня, что пчелы его совершенно привычныя и никого не жалятъ. Я была поражена, видя, какъ фамиллярно обращается съ ними Барберини.

— Генерала они знаютъ еще лучше, чѣмъ меня, сказали Барберини. Увидя его и слышавъ его голосъ, онѣ вылетаютъ изъ ящиковъ, садятся ему на шею, на руки, на лицо, и никогда ни одна еще не ужалила его.

Пчелы съ большою смѣлостью вылетали изъ ящиковъ и садились на голову Барберини. Вблизи навѣса, на довольно большомъ пространствѣ, растетъ трава, называемая *Muschia*; цвѣты ея пчелы чрезвычайно любятъ. Вправо отъ пчельника—поле, на которомъ во время нашего осмотра работники косили сѣно. Капрера отличается ароматическими травами и растеніями. Нигдѣ мнѣ такъ легко не дышалось,

какъ здѣсь. Когда мы спустились еще ниже, то пришли къ большому резервуару, куда стекала чистая, прозрачная струя воды съ горы, состоящей изъ краснаго и сѣраго гранита. Эта самая вода и проведена въ домикъ Гарибальди. Около резервуара растутъ тростникъ; немного далѣе—цѣлый лѣсъ апельсинныхъ деревьевъ и оливъ, вокругъ которыхъ вьется виноградникъ. Затѣмъ картина мѣняется. Прекрасно обработанное поле замѣняется каменистой бесплодной почвой. Мы ступали по острымъ камнямъ, пробираясь между кустарникомъ мирта и алоэ. По этой дорогѣ умѣютъ ходить не падая только ослики, да козы. Ослики здѣсь очень изящны, они очень малы и чрезвычайно пропорціональны, но за то дики до невозможности. Переступая съ камня на камень, мы вышли къ морю. Тутъ былъ выстроенъ еще баракъ. На морѣ качалась лодка, привязанная за кольцо у камня.

— Это моя лодочка, сказалъ Барберини; мы потомъ въ нее сядемъ и поѣдемъ забросить сѣть.

— А что у васъ въ этомъ баракѣ?

— Въ этомъ баракѣ у насъ хранятся лодки и всякія принадлежности для путешествія по морю. Я сейчасъ покажу вамъ челнокъ, на которомъ генераль бѣжалъ съ Капреры въ 1867 году въ виду четырехъ вооруженныхъ кораблей и одного парохода. Мы были съ нимъ вдвоемъ. Я провожалъ его на моей маленькой лодкѣ, и когда возвращался домой, меня чуть чуть не застрѣлили.

Когда онъ отперъ дверь барака, я увидала маленькій челнокъ, совершенно плоскій, въ которомъ можно сидѣть и то съ большимъ умѣньемъ, только одному человѣку.

— На этомъ самомъ челнокѣ съ однимъ весломъ, вотъ съ этого мѣста—онъ указалъ мнѣ на море, которое вилось какъ лента между выдающимися гранитными скалами—пробирался генераль въ открытое море. Не легко ему было сдѣлать это путешествіе съ больными руками, вы конечно замѣтили, какъ отъ ревматизма у него сведены пальцы,—онъ даже пишетъ съ трудомъ... Когда я потерялъ его изъ

виду и возвращался на моей лодкѣ съ противоположной стороны домой, стража, замѣтивъ издали движущееся черное пятно, сначала выстрѣлила по мнѣ, а потомъ уже окликнула: „Chivalà.“ Я закричалъ имъ въ отвѣтъ: „рыбакъ съ Капреры.“ Они этому простодушно повѣрили и начали меня спрашивать о генералѣ: когда онъ встаетъ, въ которомъ часу гуляетъ и гдѣ именно. Я указалъ имъ мѣсто между домомъ и мельницей, гдѣ Гарибальди дѣйствительно проходилъ каждый день. Въ слѣдующіе дни послѣ его отъѣзда, въ извѣстный часъ, я одѣвался въ его красную рубашку и коричневую высокую войлочную шляпу съ широкими полями, привязывалъ сѣдую изъ козьей шерсти бороду и, опираясь на костыли, направлялся къ означенному мѣсту. Сторожившіе на пароходѣ офицеры, видя въ подозрную трубу мнимаго Гарибальди, успокоивались. Въ продолженіи шести дней они посылали въ его домъ матросовъ узнать, когда можно видѣть Гарибальди, и я, уже сбросивъ платье генерала, выходилъ къ нимъ и говорилъ: „генераль только что вернулся съ прогулки и отдыхаетъ“ или „генераль занятъ“ или „приходите, завтра можетъ быть онъ васъ приметъ“. Когда же они приходили на другой день, я говорилъ: что „генераль нездоровъ“ или „генераль беретъ ванну.“ Эта вооруженная сила до тѣхъ поръ покачивалась на своихъ корабляхъ на волнахъ Средиземнаго моря, пока не получила депешу, что Гарибальди находится на дорогѣ къ Риму. А какъ ему тяжело было совершить этотъ путь! Пробираясь къ морю между большими камнями, мы одного боялись — луны. Но, на наше счастье, небо было подернуто облаками, что и дало намъ возможность доплыть до неаполитанскаго парохода, который находился въ открытомъ морѣ. Въ то время, какъ мы сажались въ лодку, къ намъ подошелъ Кокапеллеръ и мы попросили его ѣхать вмѣстѣ съ нами, забросить сѣть.

Черезъ нѣсколько минутъ мы плыли по спокойному морю; на скалахъ парочками бродили ослики, тамъ и сямъ на конусообразныхъ гранитныхъ камняхъ виднѣлись стройныя ди-

кія козы. Дно морское богато красивыми жемчужными раковинами и кораллами. Когда я опустила руку въ море и захватила двѣ, три пригоршни песку и мелкихъ камешковъ, то коралловъ оказалась третья часть. Оно на протяженіе 25 метровъ такъ ровно, что, купаясь, я свободно переходила съ острова Капреры на другой протувоположный берегъ, и вода доходила мнѣ не выше горла.

— Когда мы закинемъ сѣть и вернемся на берегъ, сказалъ Барберини, пойдете осмотрѣть Телайоне, одну изъ самыхъ высокихъ горъ Капреры, съ которой открывается прелестный видъ на всѣ семь острововъ и даже на Корсику и Сардинію. Впрочемъ я долженъ предупредить васъ, что дорога туда весьма утомительна; острые камни, кустарники и разныя колючія растенія попадаютъ на каждомъ шагѣ. Но прежде чѣмъ мы пойдѣмъ осмотрѣть гору, зайдѣмте по дорогѣ въ домикъ Ричіотти.

Солнце начало опускаться къ горизонту, море стало еще тише, каждый звукъ былъ ясно слышенъ. Вдали прокричали своимъ ужаснымъ крикомъ совы. Дикія птицы цѣлыми семьями садились на выдающіеся изъ воды камни и тоже притихли. Кокапеллеръ вынулъ изъ за пояса револьверъ и хотѣлъ было выстрѣлить въ пару птицъ, которыя сидѣли, спрятавъ головки подъ крылья.

— Что вы хотите дѣлать! воскликнулъ Барберини, отводя револьверъ: генераль не позволяетъ безъ нужды истреблять птицъ. Зачѣмъ вы хотите поселить страхъ тамъ, гдѣ онѣ столько десятковъ лѣтъ не видѣли опасности? Онѣ выютъ себѣ гнѣзда въ углубленіяхъ этихъ камней, и отправляясь за добычею, безъ страха оставляютъ тамъ своихъ птенцовъ. Довольно того, что люди страдаютъ, прибавилъ онъ вздыхая—пусть хотя птицы и звѣри наслаждаются полной свободой и счастьемъ.

Эти слова произвели на меня впечатлѣніе строгой послѣдовательности. Барберини, судя по рассказамъ Бассо, чловѣкъ необыкновенно мягкій; онъ по возможности всюду вно-

ситъ миръ и постоянно заботится о томъ, какъ бы устроить все къ лучшему. Я помню, какъ разъ, за обѣдомъ, онъ тревожился, что работники опоздали и не найдутъ горячаго супа. Торопливо кончивъ обѣдъ, онъ скрылся въ кухню, гдѣ въ продолженіи цѣлаго часа поддерживалъ огонь, заботясь, чтобы супъ не выкипѣлъ и не остылъ. Въ это самое время одинъ изъ работниковъ принесъ ему цыпленка съ переломленной ногой; онъ тотчасъ же забылъ объ обѣдѣ и весь отдался уходу за цыпленкомъ—перевязалъ ему ножку и унесъ къ себѣ. Я увѣрена, что Барберини не разъ просыпался ночью, чтобы посмотреть, въ какомъ положеніи находится его раненый. Однажды Гарибальди, говоря со мной о Барберини, сказалъ:

— Въ этомъ человѣкѣ сидятъ два человѣка: онъ или какъ звѣрь бросается на врага, когда тотъ стоитъ передъ нимъ вооруженный, или какъ самая нѣжная мать бережетъ и жалѣетъ того же врага, когда онъ лежитъ побѣжденный. Онъ перевязываетъ ему раны, отдаетъ свое собственное бѣлье, просиживаетъ надъ нимъ цѣлыя ночи напролетъ.

У берега насъ ожидали нѣсколько человѣкъ работниковъ, которыхъ прислалъ Гарибальди узнать, гдѣ мы находимся.

— А сколько у васъ всѣхъ работниковъ? спросила я у Барберини.

— Двадцать пять человѣкъ.

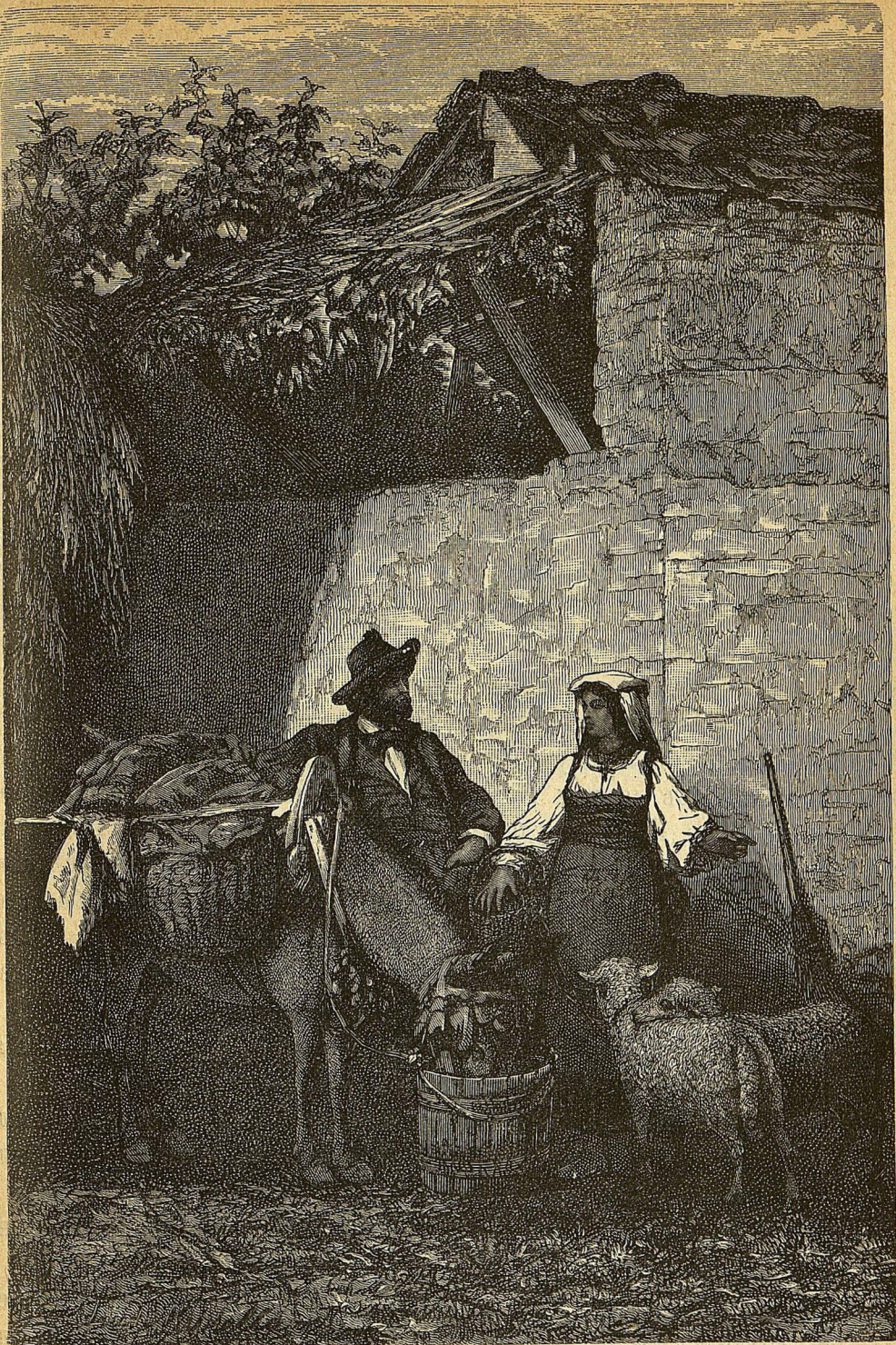
— Что же они у васъ получаютъ?

— Половина изъ нихъ, живущіе вблизи, пользуются продуктами Капреры и продаютъ ихъ, а тѣ, которые приходятъ изъ Сардиніи или Корсики, получаютъ по два франка въ день и пищу.

— А по скольку часовъ они работаютъ?

— У насъ часы не назначены. Какъ прійдется; иногда больше, иногда меньше, какъ успѣютъ. Не будутъ же они сидѣть сложа руки. Извлечь выгоду изъ продуктовъ они стараются не для одного Гарибальди, но и для себя.

КРЕСТЬЯНЕ ОСТРОВА МАДДАЛЕНА.

Пока мы разговаривали, наступили сумерки. Дорога на гору была очень утомительная.

— Потерпите, — такой дороги осталось уже немного, уготваривать меня Барберини.

Проходя мимо дома, Барберини забѣжалъ взять нѣсколько свѣчей, чтобы осмотрѣть домикъ Ричіотти и затѣмъ отправиться на Телайоне.

Это была одна изъ тѣхъ ночей безъ звѣздъ, которыя Данте, этотъ великій итальянскій геній, назвалъ „una rovera notte“ (бѣдной ночью).

Едва мы успѣли подойти къ дому, какъ передъ нами точно выросъ Антоніо.

— Генераль очень беспокоится, что васъ такъ долго нѣтъ, и послалъ уже въ разныя стороны васъ отыскивать.

— Принесите намъ, Антоніо, спичекъ и двѣ свѣчи.

— Идите сначала поужинайте, возразилъ Антоніо.

Мы вошли поужинать, немного отдохнули и потомъ ушли снова. Къ домику Ричіотти мы поднимались съ зажженной свѣчей. Дорога туда была не особенно дурна. Войдя въ домикъ, мы не нашли въ немъ ровно ничего, даже и склянки, которую предполагалъ Гарибальди. Наверху между балками сидѣлъ одинокій соловей. Посмотрѣвши на пустыя стѣны, мы вышли. Барберини заперъ дверь и положилъ ключъ въ карманъ.

— Кого вы тамъ запираете, соловья, что ли? спросила я.

— Это по привычкѣ, отвѣтилъ Барберини.

Мы съ Ричіотти, когда кончали работу, всегда запирали дверь; собственно мы это дѣлали противъ ословъ: они всюду у насъ ходятъ.

Ночь была такъ тиха, что не только свѣчи не гасли, но даже и пламя не колыхалось.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ дорога становилась труднѣе; цѣлый часъ намъ приходилось взбираться то по гладкимъ гранитнымъ камнямъ, то между кустарниковъ. Вершина, которая мнѣ казалась такъ легко достижимой и близкой, по

мѣръ того, какъ мы приближались къ ней, какъ будто отодвигалась отъ насъ. Возшедшая луна значительно облегчала намъ путь.

Съ вершины горы открывается прелестная панорама острововъ Сардиніи и Корсики. Въ самой дали, на горизонтѣ, какъ будто группа сѣрыхъ облаковъ, виднѣлись Монтекристо, Капрайя, Горгона и Эльба. Прямо передъ нами выходили изъ моря, какъ призраки, острова Санъ-Стефано, Маддалена, Монетта, Изола Изолата и Байя. Капрера сверху казалась громадной ящерицей. Скалы ея чрезвычайно разнообразны по формамъ, но одинаковы по пепельному цвѣту.

Поднявшійся вѣтеръ заставилъ насъ скорѣе вернуться домой.

— Вѣтеръ этотъ не общаетъ ничего добраго, замѣтилъ мнѣ Барберини, а потому завтра лучше вамъ не ѣхать; пожили бы съ нами подольше.

— Да, мнѣ грустно разставаться съ вами, сказала я; мнѣ здѣсь такъ хорошо жилось. Но что дѣлать,—надо вступать въ ту обыденную колею, про которую, живя съ вами, я совсѣмъ забыла.

На другое утро я съ грустью пошла сказать Гарибальди, что уѣзжаю, и сердечно поблагодарить его за радушный пріемъ.

— Зачѣмъ вы хотите оставить насъ такъ скоро, сказалъ Гарибальди, протягивая мнѣ руку. Оставайтесь еще на недѣльку.

Я объяснила ему, что мнѣ пора возвращаться въ Россію.

Изъ его комнаты я и мои спутники, которые уѣзжали также со мной, но только въ Италію, пошли въ столовую. За обѣдомъ разговоръ не клеился. Но Гарибальди разсѣялъ наше молчаніе. И его немногіе, но искреннія слова, навсегда останутся въ моей памяти.

— Передайте, сказалъ онъ, обращаясь къ моимъ спутникамъ, молодой Италіи и римскимъ рабочимъ, что я цѣню ихъ довѣріе (отъ молодой Италіи и римскихъ рабочихъ Ко-

капельеръ привезъ адресъ Гарибальди), которое они ко мнѣ питаютъ и котораго я не стою, хотя совѣсть моя относительно ихъ чиста. Страна вообще не должна полагаться на одного человѣка; она должна вѣрить въ свои собственные силы, а не въ одного такого слабаго смертнаго, какъ я, которому удалось кое-что сдѣлать. Счастіе этого бѣднаго итальянскаго народа всегда было мнѣ дорого. Мнѣ грустно, что итальянское правительство не соотвѣтствуетъ стремленіямъ націи; нація въ народѣ, который вездѣ хорошъ и въ Италіи, и во Франціи, и въ Россіи. Русскому народу, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, вы передадите также мой привѣтъ: ему въ будущемъ суждено принять участіе въ великихъ событіяхъ міра.

Обѣдъ кончился ранѣе обыкновеннаго. Вставъ изъ-за стола, Гарибальди подошелъ ко мнѣ и крѣпко пожалъ мою руку: „Addio, addio e coraggio, sempre coraggio“ (прощайте, прощайте и не падайте духомъ — никогда не падайте духомъ).

— Извините меня, сказалъ намъ Гарибальди, что я не могу провожать васъ далеко: не будь костылей, пошелъ бы.

Я взяла свои вещи и начала снова прощаться. Бассо, Барберини и Антоніо поѣхали насъ провожать. Гарибальди вышелъ на площадку и подаль мнѣ два лимона, которые онъ только что срѣзалъ съ вѣтки.

— Вотъ вамъ на дорогу. Сдѣлайте себѣ лимонадъ; да не бойтесь моря,—ничего, вѣрьте моей опытности.

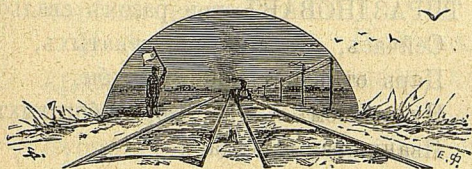
Съ этими словами онъ крѣпко обнялъ меня и моихъ спутниковъ. Послѣ этого мы начали быстро спускаться внизъ. Лодка съ помощію усердныхъ гребцовъ скоро доставила насъ на пароходъ. Здѣсь снова начались прощанья; много было высказано пожеланій. Наконецъ, пароходъ двинулся и лодка съ провожатыми направилась къ Капрерѣ. Солнце золотило вершины островковъ. Когда лодка скрылась изъ виду настолько, что маханье красными платками было болѣе не видно, Бассо и Барберини сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ре-

вольверовъ. Я стояла на палубѣ, пока виднѣлся домикъ Гарибальди, потомъ ушла въ каюту и вышла изъ нея только въ Ливорно.

Послѣ моего посѣщенія Капреры, Гарибальди побывалъ въ новой столицѣ Италіи, сдѣлался депутатомъ Рима и теперь признательная Италія доказываетъ ему свою преданность.

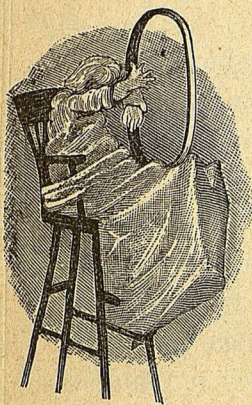
А. Толивѣрова.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

(Народная сказка.)

ПРАЗДНОВАВЪ три разомъ свадьбы,
Сейчасъ, для сыновей женатыхъ,
Царь отдѣляетъ три усадьбы,
Ну, словомъ — три дворца богатыхъ.
Иванушка, благодаря
За ласку батюшку-царя,
Живетъ-себѣ своимъ домкомъ;
И радость вся его — жена:
Чуть съ нимъ останется одна,
Какъ въ тотъ-же мигъ, свернувъ комкомъ
Свою лягушечью кожуру,
Швырнетъ ее смѣясь въ печурку —

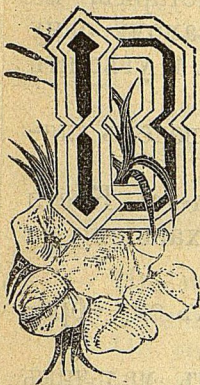
Разъ!.. два!.. готово!.. и сама
Такой сіяетъ красотой,
Что, просто, хоть сойди съ ума!
„И не касайся шкурки той!“
Ласкаясь къ мужу, говорить,
„А если съжечь ее рѣшишься,
То хоть она и не сгоритъ,
Но ты навѣкъ меня лишишься!“ —
„Нѣтъ-нѣтъ!.. не трону...“ и безъ горя
Живетъ Иванъ, съ женой не споря.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

СТАРАЯ ВЕТЛА.

(Разсказъ).

Ы НЕ ЛЮБИТЕ поздней осени? Нѣтъ, конечно: любить ее не стоитъ. А какъ она не хороша въ деревнѣ!

Я былъ въ селѣ Ивановкѣ наканунѣ Покрова. Если бы вы знали, какъ грустно смотрѣть на деревню въ грязную осень! Избушки совсѣмъ почернѣли и понурились съ своими подслѣповатыми оконцами. Земля почернѣла вся, зелени почти не видать. Немного листьевъ осталось и на старыхъ березахъ за церковною оградой. Свинцовыя облака низко спустились,—на улицахъ темно. А дождь идетъ не переставая, какъ будто небо о чемъ-то горько-горько плачетъ и не успокоится никакъ. Да и все плачетъ въ деревнѣ. Ветлы тоже роняютъ съ своихъ голыхъ сучьевъ капли,—должно быть, плачутъ, что вѣтеръ оборвалъ всѣ ихъ листья. А вѣтеръ воетъ и еще пуще нагоняетъ тоску.

Ни одна ветла такъ не плакала въ деревнѣ, какъ старая ветла надъ развалившейся хатой дьячка Аристарха.

Ветла сжилась съ Аристархомъ и съ его домикомъ. Дьячекъ посадилъ ее, когда строилъ свою хату. Это было давно,—тогда онъ былъ молодъ и крѣпокъ. Теперь Аристархъ безсиленъ и старъ. Много ветла видѣла хорошаго, но еще больше плохаго! Весело шумѣла она листьями, когда счастливо жилось Аристарху въ маленькомъ домикѣ съ молодой женою. И горько заплакала ветла, когда, въ сентябрьскій дождливый день, пожилой Аристархъ понесъ на кладбище покойницу, а его маленькій Гриша неутѣшно ры-

далъ надъ матерью. Какъ хотѣлось ветлѣ утѣшить мальчика! Какъ силилась она обнять его своими вѣтвями, когда Гриша вечеромъ этого дня пошелъ посидѣть и поплакать подъ нею! Многое ветла видѣла. Жаль только, что она не умѣетъ разсказывать.

О чемъ же теперь, наканунѣ Покрова, она плакала? Я подслушалъ. Ей жаль было больного и безпомощнаго старика дьячка. Гдѣ ему взять денегъ на ученье сыну и на одежду? Ему и самому приходится голодать: село бѣдное, а онъ совсѣмъ старъ и боленъ.

„Не скоро ты дождешься кормильца, Аристархъ, не скоро!“—думала ветла и гнула свои вѣтви къ самому окну избушки. Хотѣлось ей посмотреть на Аристарха и утѣшить его хоть немного.

А въ избушкѣ горѣлъ огонь и она въ этотъ вечеръ глядѣла веселѣе обыкновеннаго.

— Гриша, скорѣе вырастай, утѣшь старика-то! Кости ломаютъ! — говорилъ Аристархъ только-что пріѣхавшему на церковный праздникъ изъ города Гришѣ.

Давно ужъ сынъ не былъ въ Ивановкѣ—и такъ ему обрадовался старикъ!

Да и было чему радоваться. Хорошій былъ мальчикъ Гриша, сердечный. Послѣ матери, они вдвоемъ мыкали горе. И любилъ же сына старикъ! Только и было у него радостей,—получить вѣсточку отъ Гриши, узнать объ его успѣхахъ, обнять его. Послѣдніе гроши сбилъ Аристархъ и отправилъ сына въ сосѣдній городъ, въ духовное училище. Съ тѣхъ поръ онъ еще сильнѣе сгорбился и постарѣлъ, но службы въ церкви не бросалъ. Если бы вы пошли въ Ивановскую церковь,—то сейчасъ же услышали бы разбитый голосъ старика. Не хватило бы у него совсѣмъ силенокъ, если бы ему не помогали священникъ и крестьяне. А крестьяне очень любили Аристарха и жалѣли его.

— Старъ ты сталъ, дѣдушка, сгорбился совсѣмъ! замѣчалъ ему не разъ церковный староста.

— Подожди, говорилъ Аристархъ, — подожди,—помолодѣю и я! Вотъ подрастетъ сыночекъ,—тогда заживемъ хорошо...

Гриша росъ и умнѣлъ. Учился онъ отлично и любилъ же какъ старика! Не разъ, засыпая на жесткой кровати въ училищѣ, онъ думалъ о томъ, когда совсѣмъ выучится, станетъ

учителемъ,—а старика избавить отъ работы. Горе, милые читатели, не всегда убиваетъ у человѣка любовь, — нѣтъ. Кто вынесъ его на своихъ плечахъ, тотъ горячо обниметъ всякаго горемыку! И Гриша крѣпко обнималъ наканунѣ Покрова горемыку-отца. Ветла это видѣла.

— Родимый,—повторялъ Аристархъ, подростай скорѣе, утѣшь старика... Не забудешь, вѣдь, отца? И крупные слезы катились на его старческія щеки.

— Батюшка, я тебя забуду? Что ты,—Господь съ тобой! Да я и во снѣ, батюшка, только и думаю, какъ бы тебя успокоить...

— Ну, то-то, родной, — то-то, — я зналъ, что ты меня любишь...

Руки Аристарха задрожали, когда онъ обнялъ сына.

— Постой-ка, родной,—вотъ тебѣ я приберегъ на праздникъ...

Аристархъ вынулъ изъ рванаго кисета двѣ рублевыя бумажки:

— На, возьми, мнѣ не надо,—перемаюсь.

Но Гриша не бралъ денегъ.

— Не возьму, батюшка, оставь у себя. У меня теперь уроки будутъ,—я отъ тебя ни копѣйки не возьму.

— Возьми, родной...

— Не возьму, батюшка. Меня на казенный счетъ примутъ, я переплетами заработаю... Я побожился, что ни гроша больше у тебя не возьму... Я молодъ и все снесу, а ты старъ и боленъ...

— Родной мой, Гришенька...

И Аристархъ опять уронилъ на свои морщины слезинку,—но это была слезинка радости.

— Я знаю, ты меня не бросишь. Ивановку тоже не забудешь? Я не уйду отсюда, сложу тутъ свои кости... Не забудешь Ивановку?

Старикъ улыбнулся.

— Не забуду, батюшка.

Долго будетъ помнить этотъ вечеръ старая ветла! Она все видѣла и слышала. Меньше стала ронять она слезинокъ надъ избушкой. Я подслушалъ, какъ она сказала, махая вѣтвями:

— Дождался, Аристархъ, ты кормильца, дождался!

Если плохо въ Ивановкѣ осенью, то весной и лѣтомъ—раздолье. Пойдемте со мной туда,—я вамъ все покажу. Смотрите, какъ хороша церковь при лунномъ свѣтѣ! Какъ ласково шелестятъ листьями березы за ея оградой! А этого дома, напротивъ церкви, не знаете? Не знаете, конечно. Онъ только что выстроенъ. Это школа. Смотрите, какая она чистенькая, славная! Скоро въ ея комнаткахъ будетъ шумно и весело: цѣлая толпа мальчиковъ будетъ сидѣть за азбуками.

Право, хорошо въ Ивановкѣ лѣтомъ, въ особенности ночью, при лунѣ. Сколько яркихъ звѣздочекъ на голубомъ небѣ! Вся деревня одѣлась въ зеленый праздничный нарядъ. Заснуло все село,—отдыхаетъ послѣ работы. Только собаки звонко лаютъ, да порою застучитъ проѣзжающая телѣга.

Теперь пойдемте къ знакомому домику. Вотъ онъ. Не узнаете? Онъ покрытъ новой крышей и въ него вставлены новыя рамы. А видите старую ветлу? Она помолодѣла и вся разубралась листьями. Идите только тише, не разбудите старика: онъ недавно заснулъ. Смотрите, какъ сладко спитъ! А видите на сундукѣ Гришу? Теперь онъ не мальчикъ, а взрослый. Какое славное лицо, какъ онъ спокойно спитъ! Такъ спать только люди, у которыхъ мало грѣховъ на душѣ.

Пять лѣтъ прошло съ того кануна Покрова, когда ветла такъ неутѣшно плакала надъ избушкой Аристарха. Гриша поступилъ изъ духовнаго училища въ семинарію и только-что окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Онъ давно уже имѣлъ въ городѣ хорошіе уроки,—а у Аристарха давно уже былъ новый кисетъ и въ немъ новыя бумажки. И избу Гриша-же поправилъ на свои деньги.

Господи, что это была за сцена, когда Гриша пріѣхалъ къ отцу! Онъ привезъ съ собою и аттестатъ. Я былъ при этой сценѣ и долго ея не забуду.

— Утѣшилъ, родной,—утѣшилъ старика! бросился Аристархъ при мнѣ на шею Гришѣ и заплакалъ какъ ребенокъ.

У меня въ глазахъ тоже что-то было влажное, я сталъ смотрѣть въ окно на ветлу. Припомнился мнѣ ея тогдашній шелестъ:

„Дождался ты, Аристархъ, кормильца,—дождался!“

— Гришенька, покажи,—покажи свой аттестатъ барину,—покажи!

И на лицѣ старика сіяла блаженная улыбка.

— Батюшка, что-же его показывать-то? Невидаль какая...

— Нѣтъ, покажи, покажи!—приставалъ старикъ и подмигнуть мнѣ глазомъ.

Гриша далъ отцу аттестатъ. Тотъ поднесъ его къ своимъ глазамъ:

— Смотрите: Русскій языкъ—5! Хи, хи, хи! засмѣялся онъ и посмотрѣлъ на меня торжествующимъ взглядомъ.

— Отлично, отлично! ободрялъ я Аристарха. Онъ опять ткнулъ пальцемъ въ аттестатъ:

— Исторія—5!

Старикъ искоса взглянулъ на сына и опять засмѣялся.

— Батюшка,—Гришѣ стало тоже смѣшно,—будетъ тебѣ!

— Нѣтъ, подожди... Математика—5! еще громче крикнулъ Аристархъ и поднялъ вверхъ указательный палецъ.

— Молодецъ вашъ сынъ, молодецъ! похвалилъ я Гришу.

— Да,—и Ивановку не бросаетъ, не хочетъ. Въ школъ мѣсто получилъ. Ему хорошее жалованье дали.

— Получилъ мѣсто учителя?

Я удивился и обрадовался, что у меня будетъ такой славный сосѣдъ.

— Да,—отвѣтилъ Аристархъ: онъ у меня любитъ мужиковъ и ихъ ребятишекъ. Люби ихъ, Гриша, — люби! обратился онъ ласково къ сыну: они — хорошіе, и намъ съ тобой помогали...

„Какъ это хорошо, что Гришу назначили учителемъ! Какъ его будутъ любить мальчики! Какой онъ—хорошій и любящій!“—думалось мнѣ, когда я уходилъ отъ Аристарха. Я зналъ Гришу немного, но стоило только посмотрѣть въ его ясные глаза и на душѣ становилось отрадно.

Никогда еще избушка дьячка не была такой веселой, никогда еще такъ ласково не шелестѣла листьями старая ветла,—вѣрный другъ его дома,—какъ въ этотъ вечеръ.

Долго проговорилъ Аристархъ съ сыномъ, долго смотрѣлъ въ растворенное окно въ глаза имъ полный мѣсяцъ. А теперь они заснули. Пусть спятъ сладко, хорошіе люди! Тихонько отойдемъ отъ домика, не разбудимъ ихъ. Они видятъ хорошіе сны. Ангелъ надъ ними летаетъ.

Въ этомъ же году, въ ноябрѣ, я былъ въ Ивановкѣ. Зашелъ къ Аристарху. Старикъ выпрямился, голосъ его зву-

чалъ увѣреніе и радости, чѣмъ прежде. Не покинулъ онъ своей старой церкви и по прежнему пѣлъ на клиросѣ.

Былъ я и въ школѣ. Сколько тамъ мальчиковъ сидѣло за столами! Всякіе были: черные, рыжіе, бѣлокурые. Пришелъ при мнѣ Гриша.

— Здравствуйте, здравствуйте, Григорій Аристархычъ! Понеслось къ нему звонко со всѣхъ сторонъ.

— Здравствуйте, ребятки! Ну, урокъ учили?

— Учили, учили!

И немного погодя въ школѣ утихло. Слышался только скрипъ перьевъ, да порою громкій голосъ мальчугана, спрашившаго что нибудь у Гриши. А какъ блестяли глаза у учителя!

Мнѣ такъ захотѣлось броситься къ Гришѣ и горячо его обнять! Онъ полюбилъ деревню, сроднился съ ней, хотѣлъ ее просвѣтить и осчастливить. Онъ благородно и настойчиво дѣлалъ дорогое дѣло. Кто зналъ горе,—тотъ пойметъ горемыкъ и полюбитъ ихъ! Гриша зналъ горе. Теперь оно прошло,—имѣ съ старикомъ жилось счастливо, — но это горе оставило слѣдъ въ его сердцѣ.

Долго, долго я буду помнить школу, звонкіе голоса дѣтей и стараго Аристарха съ Гришей...

И когда я проѣзжалъ мимо знакомой избушки, мнѣ такъ захотѣлось попросить старую ветлу, чтобъ она долго-долго еще не роняла слезъ надъ Аристархомъ...

Ветла угадала мои мысли и ласково кивнула вѣтвями на прощаньи.

Вас. Огарковъ.

КАШТАНЪ СТА ЛОШАДЕЙ.

Знаменитый каштанъ горы Этны, извѣстный въ Сициліи подѣ названіемъ „castagno di cento caralli“, т. е. „каштанъ ста лошадей“, называется такъ по огромному пространству, которое онъ осѣняетъ. Рассказываютъ, что Жанна Аррагонская, отправляясь изъ Испаніи въ Неаполь, остановилась проѣздомъ въ Сициліи и поднялась на Этну въ сопровожденіи всего катанскаго дворянства; когда разразилась гроза, то вся свита королевы, бывшая на лошадяхъ, укрылась подѣ листьями этого каштана. Въ слѣдствіи такого событія дерево и названо каштаномъ ста лошадей.

Этотъ каштанъ внутри пусть отъ старости, но несмотря на это, пышно зеленѣетъ. Въ громадномъ дуплѣ его туземные жители устроили домъ съ печью, которую топятъ, часто вѣтками самаго каштана, и сушатъ въ печи каштаны, орѣхи, миндаль и другіе плоды, заготавливаемые въ прокъ.

Вотъ какъ описываетъ это гигантское дерево Жанъ Гусль:

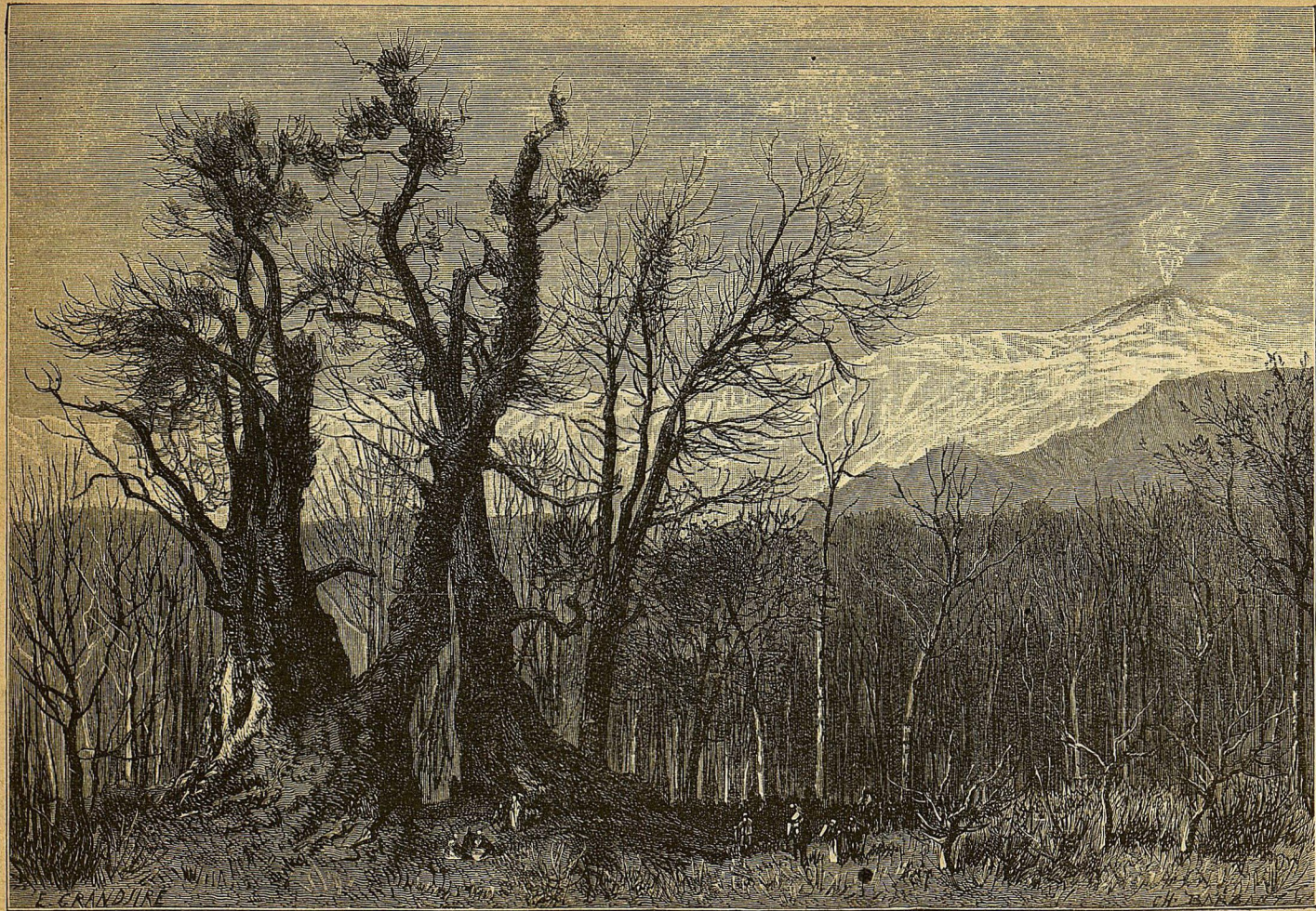
„Изъ Аси-Реаля мы отправились взглянуть на такъ называемый „каштана ста лошадей“... Мы миновали С.-Алерію и Пирэно, гдѣ намъ попадались великолѣпныя дубравы каштановыхъ деревьевъ. Въ этой части Этны они растутъ очень хорошо, и жители занимаются ихъ культурой, такъ какъ дерево это идетъ на обручи, употребляемые въ большомъ количествѣ. Когда мы пріѣхали, было еще довольно свѣтло, и мы тотчасъ отправились взглянуть на знаменитый каштанъ, составившій цѣль нашей поѣздки... Величина этого дерева до того превосходитъ обыкновенные размѣры, что невозможно описать чувства, которое овладѣваетъ при его видѣ. Осмотрѣвъ хорошенько этого коллоса, я началъ его срисовывать; окончить удалось только на другой день къ вечеру. Я сдѣлалъ съ него вѣрный снимокъ и планъ, чтобы доказать возможность существованія дерева въ 160 футовъ въ обхватѣ, и собралъ о немъ историческія свѣдѣнія отъ сельскихъ старожилонъ.

„Нѣкоторые думали, что эта громадная масса образовалась изъ соединенія нѣсколькихъ каштановыхъ деревьевъ, прижавшихся другъ къ другу. Я убѣдился, что мнѣніе это ошибочно. Всѣ части этого каштана обезображеннаго годами и рукою человѣка, принадлежать одному общему стволу, съ точностію измѣренному мною“.

Возрастъ каштана ста лошадей опредѣлить трудно. Если предположить, что каждый годъ его концентрическіе слои увеличивались на одну линію въ толщину, то это почтенное дерево должно имѣть отъ 3,600 до 4,000 лѣтъ.

О. Р.

КАЩАНЪ СТА ЛОШАДЕЙ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕГЪ.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 19 сентября 1881 г.

Типографа А. С. Суворина. Сретенъ пер., д. № 11—2.